

КУЛЬТУРНЫЙ
СЛОЙ

*Рябину рубили зорькою.
Рябина — судьбина горькая.
Рябина — седьми спусками...
Рябина! Судьбина русская.*

М. Цветаева

ВИКТОР
СЕНЧА

*Марина
Цветаева*

Рябина — судьбина горькая

Виктор Николаевич Сенча
Марина Цветаева. Рябина
– судьбина горькая
Серия «Культурный слой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62049628

*Марина Цветаева. Рябина – судьбина горькая / В.Н. Сенча: Родина;
Москва; 2020*

ISBN 978-5-907351-30-1

Аннотация

О Марине Цветаевой сказано и написано много; однако, сколько бы ни писалось, всегда оказывается, что слишком мало. А всё потому, что к уникальному творчеству поэтессы кто-то относится с благоговением, кто-то – с нескрываемым интересом; хотя встречаются и откровенные скептики. Но все едины в одном: цветаевские строки не оставляют равнодушным. Новая книга писателя и публициста Виктора Сенчи «Марина Цветаева. Рябина – судьбина горькая» – не столько о творчестве, сколько о трагической судьбе поэтессы. Если долго идти на запад – обязательно придёшь на восток: слова Конфуция как нельзя лучше подходят к жизненному пути семьи Марины Цветаевой и Сергея Эфрона. Идя в одну сторону, они вернулись в отправную точку, ставшую для них Голгофой. В книге также

подробно расследуется тайна гибели на фронте сына поэтессы Г. Эфрона. Очерк Виктора Сенчи «Как погиб Георгий Эфрон», опубликованный в сокращённом варианте в литературном журнале «Новый мир» (2018 г., № 4), был отмечен Дипломом лауреата ежегодной премии журнала за 2018 год. Книга Виктора Сенчи о Цветаевой отличается от предыдущих биографических изданий исследовательской глубиной и лёгкостью изложения. Многие из неё читатель узнает впервые.

Содержание

Пролог	6
Глава I	12
Глава II	34
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виктор Николаевич Сенча Марина Цветаева. Рябина – судьбина горькая

© Сенча В.Н., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Автор благодарит за оказанную помощь при подготовке книги к изданию Ольгу Грейг и Владимира Николаевича Колесникова

В авторской редакции

*Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных.
Мф 20:16*

Пролог

*С фонарём обшарьте
Весь подлунный свет!
Той страны – на карте
Нет, в пространстве – нет.
Вытита как с блюда, —
Доньшико блестит.
Можно ли вернуться
В дом, который – скрыт?*

Марина Цветаева

...17 августа 1941 года к камской пристани маленькой, пыльной Елабуги причалил пароход. Едва приняли швартовы, сквозь едкий чёрный дым потянулись пассажиры.

Они сошли на берег среди последних. Никто не встречал в этой захудалой татарской глубинке женщину средних лет и бредущего рядом с ней юношу, почти мальчика, согнувшегося под тяжестью чемоданов. Эти двое прибыли сюда из военной Москвы. Женщину с измождённым лицом и припорошенными сединой волосами звали Мариной Ивановной, юношу – Георгием. Мать и сын, Марина Цветаева и Георгий Эфрон. Дочь и внук известного общественного деятеля канувшей в Лету империи Ивана Владимировича Цветаева.

Перед отъездом из столицы проводить их в дальнюю дорогу на речной вокзал в Химках пришёл «собрат по перу»

Борис Пастернак. Зная, что придётся перевязывать вещи, он привёз Марине добротную длинную верёвку.

– А она крепкая? – спросила Марина Ивановна.

– Крепкая, крепкая – повеситься можно... – пошутил Пастернак.

Через две недели после приезда в Елабугу Марина Ивановна от отчаяния шагнёт в неизвестное.

Не без помощи той злополучной верёвки...

Елабуга, 2012 г.

Это во времена Цветаевой Елабуга была, по сути, деревней. В наши дни – вполне развитой город: с зелёными скверами, современными многоэтажками, хорошими магазинами и прочими бутиками-салонами и фитнес-центрами. Приедь Марина Ивановна в нынешнюю Елабугу, она бы удивилась; по крайней мере, ей было бы намного легче пережить тот ужасный *обман*, устроенный эмигрантке Страной Советов. Обман, ставший злым фатумом не только для неё самой, но и для всей цветаевской семьи.

Когда-то в этих местах творил великий Шишкин. Все эти дубовые рощи, журчащие ручьи и даже сосновый бор с тремя медвежатами – всё написано здесь, в елабужских предместьях. Отсюда же родом кавалерист-девица Надежда Дурова, прославившаяся в Отечественную войну 1812 года. Красивый бюст героине в местном скверике – полное тому подтверждение.

Цветаева прожила в Елабуге, удивившей своей провинциальной захудалостью, каких-то десять дней. Да и то сказать – прожила: металась, уезжала в Чистополь и вновь, не находя покоя, возвращалась в поисках выхода из *западни*. Да, было тяжело и в Праге, и в Париже; во Вшенорах приходилось переезжать из одного угла в другой; но выживать *голодая*, под пристальным взглядом энкавэдэшника, выживать *умирая* – приходилось впервые. *Сломали*. Как миллионы человеческих судеб, загубленных ненасытным Молохом. За каждой судьбой – чья-то безымянная жизнь, сгоревшая безвозвратно.

Как и те, остальные, ушла и она, едва не став безымянной. Почти неслышно – тихо и молча. Быть позабытой не позволил Талант. Большой Поэт живёт даже после смерти. Зачастую его слава после ухода *туда* лишь расцветает. Будто нельзя было добрые слова говорить Поэту при жизни. В последние месяцы жизни Марину *топтали*. Не все, конечно, и не всегда. Но большинство и чаще. Выдержала бы и голод, и нищету, и скудость общения. Но вот обид не терпела – того циничного унижения, направленного на то, чтоб растоптать. Беспомощной Марина не была никогда, вспоминала дочь Ариадна, но всегда – беззащитной. И она нашла собственный выход.

Сегодня в Елабугу приезжают за тем малым, что там осталось от Цветаевой: очутиться в *последней точке* её земного

бытия. Как мне рассказывали, впечатление не из лёгких. И всё же однажды я собрался и поехал. Вот дом, не раз виденный мною на фото и видео интернет-сайтов. А вот и двор. Правда, не тот, вернее, не такой, каким его видела Марина. Сегодняшний – просторный и без единой поленницы – для экскурсантов. Проходим в горницу, осматриваем комнату за перегородкой, где предстояло ютиться матери и сыну. Вот и парижский кожаный саквояж, которому предопределено остаться здесь навечно.

И лишь выходя из горницы, начинаешь вспоминать о *сенцах*, в которых где-то наверху, на какой-то поперечине... *тот самый гвоздь*. Глаза быстро шарят по потолку, упираются в балку и... ничего не находят. Взгляд сползает ниже и ниже, пока не находит траурную рамку с чугунной чёрной розой внутри. Всё было именно здесь, в этих сенцах, слева от входа. А вот на балке – ничего. Ни гвоздя, ни крюка. И спросить об этом у местных как-то неловко. Разве что услышать между слов экскурсовода нужные слова: хозяин был кузнецом... чугунного гвоздя никогда не было... пришёлся прибитый гвоздь, который потом заколотили... Вот так. Пуста сегодня балка в Елабужском доме-музее. Кто знает, будь она пуста в том сорок первом, и не было бы ни музея, ни толпы любопытных. Зато наверняка бы появились новые стихи – её, цветаевские. Написанные с надрывом, с грустью и болью.

Выйдя во двор, хочется глубоко вздохнуть, постаравшись тут же забыть мрачный простенок с чугунной траурной ро-

зой. А дальше путь на старое местное кладбище, откуда как на ладони вид на Елабугу.

Её могила с самого края. Когда-то всеми забытая и *потерянная*, теперь ухоженная, с гранитным надгробием. Удобная скамеечка, сосны и, конечно, рябина. Это место в бытность свою здесь *утвердила* Маринина сестра, Анастасия Ивановна. Всё остальное, сказала она, одни лишь разговоры. Только, шепчутся люди, могила *не здесь*. Где-то рядом, вне могильной ограды.

Вот и всё. До свидания, Елабуга. Город Шишкина, Дуровой и поэтессы Цветаевой. Когда-то Джон Рид написал свои «Десять дней, которые потрясли мир». Сказать, что десять дней, которые Марина Цветаева провела в этом городке, сделали его знаменитым, было бы неправильно. Вернее было бы сказать, Елабуга – город, ставший последней цветаевской обителью.

Хорошо, что в *том доме* не оказалось никакого гвоздя; хорошо, что могила Цветаевой сегодня с такой любовью обихожена. А что, если бы вдруг потеряли навечно, как могилу Моцарта?! Не потеряли бы! Потому что **любим**. Стихи, песни на эти самые стихи, да и всё, связанное с Мариной Ивановной. Выходит, для нас она никогда и не умирала. По крайней мере, так хочется думать.

Однажды она написала: «*Журавль и синица. Нет, ложь, ложь и глупость: что делать с синицей и вообще – с птицей в руках? Есть вещи, которые нехороши в руках, хороши – в*

воздухе. Журавль, например...»

Прости нас, Марина...

...Никто, зажегши свечу, не покрывает её сосудом, или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет. Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы.

Лк 8:16-17

Глава I

*...Крепко тесное объятье.
Время – кожа, а не платье.
Глубока его печать.
Словно с пальцев отпечатки,
С нас – черты его и складки,
Приглядевшись, можно взять.*

А. Кушнер

*Да, я, пожалуй, странный человек,
Другим – на диво!
Быть, несмотря на наш двадцатый век,
Такой счастливой!..*

Марина Цветаева

...Давно замечено: чем щедрее судьба в начале жизненного пути, тем скуднее далее. И даже тот, кто ощутил эту щедрость хотя бы вскользь, позже будет расплачиваться сполна! А уж если привалит «всё и сразу», пиши пропало. Марине Ивановне выпало последнее. Только ещё хуже – она родилась *поэтессой*.

Если вы неисправимый прагматик, не готовый поверить в существование таинственного Зазеркалья, уверяю: есть повод усомниться. Загадка всегда в одном – увидеть вход в за-

гадочный мир и обнаружить ту *завесу*, отделяющую явь от желанных видений. А всё тайное, как известно, рядом, почти на виду. Но то Зазеркалье, о котором мне хотелось бы рассказать, ещё ближе, чем может показаться: в Москве, в Борисоглебском переулке.

Детство и юность Марины Цветаевой прошли в тихом Трёхпрудном переулке, по соседству с многолюдным Арбатом¹. Там-то, в Трёхпрудном, появились и её первые стихи – подростковые, как их называла сама Марина, или «первоцвет». У этого ребёнка с раннего детства проявился *дар* загонять непослушные слова в правильные рифмы. Хотя, по правде, для Марины не существовало «непослушных» слов – каждое находило подходящее ему место в сложной цепочке журчащей рифмы. А жизнь вблизи волшебного Арбата, нарядной Пречистенки и вельможной Никитской, дышавшая особым, старинно-московским духом, придавала стихам юной поэтессы зрелый шарм и законченность:

*Засыхали в небе изумрудном
Капли звёзд – и пели петухи.
Это было в доме старом, доме – чудном...
Чудный дом, наш дивный дом в Трёхпрудном —*

¹ Дом Цветаевых в Трёхпрудном переулке, № 8, представлявший из себя одноэтажное деревянное здание из 11 комнат с внутренним двориком, достался отцу Ивану Владимировичу Цветаеву как приданое его первой жены, дочери историка Д.И. Иловайского. Именно в нём Марина родилась и провела детство. В Первую мировую войну в доме Цветаевых устроили госпиталь, а в годы революции его растащили на дрова.

Превратившийся теперь в стихи.

Она даже не мечтала о Славе – та сама, благосклонно склонившись, однажды погладила юное дарование по темени. «Первоцвет» явился «младенческими» шажками большого пути. Когда большинство её сверстниц лишь пробовали себя в любовных виршах, Марина Цветаева уже держала в руках свой первый поэтический сборник – «*Вечерний альбом*». На дворе стоял 1910 год...

С появлением «Вечернего альбома» родился *Поэт*. Сильный, уверенный в себе и невероятно талантливый. По крайней мере, именно так вскоре заговорила о Цветаевой богемная Москва. Всё это, конечно, сильно щекотало юношеское тщеславие, хотя сама Цветаева считала, что истинная Слава ждёт её впереди. Да и вообще, всё лучшее, была уверена Марина, судьба ей уготовила чуть позже. И первое время так и казалось.

Но едва счастливая юность стала перекатываться в пору зрелости, появились первые потери. Сначала умерла мать, а через некоторое время – и отец. Проводить в последний путь Ивана Владимировича собралась чуть ли не вся Москва: Цветаев оставил городу и России уникальный Музей изящных (изобразительных) искусств, ставший настоящей сокровищницей мирового искусства.

В промежутке между этими двумя утратами Марина встретит Первую Любовь. Кто был тот её сердечный избран-

ник, сегодня уже не так важно. Важнее другое: именно в те дни юная поэтесса совершила первую попытку самоубийства. Находясь в театре (шёл спектакль «Орлёнок» по пьесе Ростана), она поднесла к сердцу заряженный револьвер и нажала на курок. В тот раз от смерти спасла *осечка*.

Через четверть века под рукой, вместо пистолета, будет верёвка, услужливо подаренная Пастернаком. Смертельный узел окажется безжалостным...

* * *

...Самое главное для Цветаевой начнётся в Коктебеле, на даче Волошина. Марина собирала на берегу морские камешки, а какой-то юноша, «с поразительными, огромными, в пол-лица глазами», бросился ей помогать.

«...Марина загадала: если он найдёт и подарит мне сердолик, я выйду за него замуж, – вспоминала позже дочь Цветаевой Ариадна. – Конечно, сердолик этот он нашёл тот час же, на ощупь, ибо не отрывал своих серых глаз от её зелёных, – и вложил ей его в ладонь, розовый, изнутри освещённый, крупный камень, который она хранила всю жизнь, который чудом уцелел и по сей день...»²

Так познакомились эти двое, восемнадцатилетняя поэтес-

² А.С. Эфрон «Неизвестная Цветаева. Воспоминания дочери». М., «Алгоритм», 2012 г., с. 46–47. (Далее – сокращённо: А. Эфрон «Неизвестная Цветаева».)

са и семнадцатилетний гимназист. Там же, в Крыму, родилась Большая Любовь. Отныне им предстояло пройти вместе через всю жизнь. Был май 1911 года...

Однако имелись кое-какие *нюансы*. (Ох уж эти извечные нюансы!) Узнав о романе дочери, Иван Владимирович такое увлечение не только не одобрил, но даже не смог скрыть своего возмущения! И на то были свои причины. Мать Сергея, Елизавета Петровна Дурново, и его отец, Яков Константинович Эфрон (Калманович), как оказалось, оба были революционерами-эсерами, вышедшими из народовольцев. Причём за год до их встречи Елизавета Петровна неожиданно для всех покончила с собой, не сумев пережить самоубийство своего младшего четырнадцатилетнего сына. Ну и в придачу ко всему Сергей страдал активной формой туберкулёза. Что и говорить, не самый удачный выбор для дочери членкорреспондента Петербургской академии наук и профессора Московского университета.

Несмотря на то что отец пригрозил Марине в случае её выхода замуж за Эфрона бойкотировать свадьбу, страстному влечению дочери уже ничто не могло помешать. Так жадно дышать способна разве что истосковавшаяся по дождю высохшая трава: умерших матерей обоим заменила **Любовь**. Позже «цветаеведы» в один голос будут заявлять, что в душе Марины в те дни ярко проявилась потребность о ком-то заботиться и опекать, в чём как раз и нуждался Сергей. Быть

может, так оно и было, ведь их союз креп день ото дня.

После Коктебеля они неразлучны. Из Крыма на два месяца уезжают в Уфу, где в отдалённом посёлке со странным названием Усть-Ивановский завод юные влюблённые пытаются излечить туберкулёз кумысом. Марина буквально запаивала Сергея сливками, уверяя, что целебен не только кумыс, но и две бутылки сливок в день! Он был не против, только по-прежнему оставался бледен и худ, как щепка. В промежутках между целебными «откармливаниями» в совершенстве владевшая французским и немецким Цветаева занимается с возлюбленным иностранными языками (ему ещё предстоит закончить гимназию).

В Москву они вернутся в сентябре. Марина и Сергей ещё не муж и жена, но не мыслят жизни друг без друга. Воспользовавшись тем, что Иван Владимирович выехал за границу, влюблённые снимут в Сивцевом Вражке просторную квартиру, устроив там уютное любовное гнёздышко. Правда, вскоре к ним подселится одна из сестёр Сергея – больная Лилия. Но это ничуть не помешает им наслаждаться «взрослой» жизнью и временной свободой.

В этот период у них постоянно толкутся какие-то гости, играет граммофон, ведутся долгие громкие разговоры. К весёлой квартирке, куда слетаются всякого рода повесы, быстро приклеивается прозвище «обормотник». Красивая жизнь тут же начинает сказываться своей «обормотной» стороной:

Сергей запустил учёбу и покинул стены гимназии. Действительно, зачем учиться, когда они с возлюбленной окончательно решили пожениться? (Как тут не вспомнить фонвизинское «Не хочу учиться – хочу жениться»?)

Но разлука с гимназией волнует парочку меньше всего. Больше досаждают родственники. Не только Иван Владимирович не одобряет их отношений – близкие Эфрона тоже ворчат. Они считают, что избранница Сергея слишком избалована и «абсолютно не пригодна для брака». Больше удивил Макс Волошин, который в ответ на приглашение на свадебное торжество прислал этакое *соболезнование*, где начертал, что оба они «слишком настоящие для такой лживой формы отношений, как брак». Спасибо, Макс, удружил...

Как бы то ни было, 27 января 1912 года состоялось венчание. Молодые на седьмом небе от счастья! Обручальные кольца с выгравированными с внутренних сторон именами «Марина» и «Сергей» навсегда связали их судьбы. Им казалось, что мир распластался у ног! Когда кто-то из родных поинтересуется, как и на что они собираются жить, Сергей легкомысленно ответит:

– Будем зарабатывать. Марина – стихами, она самая великая поэтесса в мире! А я – прозой...

Бедняги, они совсем не догадывались, что в этом мире под луной одними стихами и прозой – увы, не прожить.

Пока же всё шло гладко. Вскоре вышел сборник сти-

хов Цветаевой «*Волшебный фонарь*» и книга прозы Эфрона «*Детство*». Но уже в «*Фонаре*» просачиваются первые пророческие строки:

*Ждут нас пыльные дороги,
Шалаши на час
И звериные берлоги
И старинные чертоги...
Милый, милый, мы, как боги:
Целый мир для нас!*

*Всюду дома мы на свете,
Всё зовя своим.
В шалаше, где чинят сети,
На сияющем паркете...
Милый, милый, мы, как дети:
Целый мир двоим!*

Очень скоро их жизнь превратится в сплошные «пыльные дороги» и «шалашы на час». Тяжёлое, выходит, было цветаевское слово – *пророческое*...

Однако тогда, в благодатном 1912-м, до «звериных берлог» и «старинных чертогов» было ещё далеко. Молодожёны переселяются в тот самый дом № 6 в Борисоглебском переулке, вблизи от Собачьей площадки, ставший позже знаменитым. Именно там, в «колодце уюта и волшебства», супруги арендуют квартиру под номером три, где Марине Цве-

таевой суждено будет прожить целых восемь лет (с 1914 по 1922 гг.).

Там же, в Борисоглебском, Марина и Сергей проведут первые годы своего безоблачного семейного счастья и познают самые горькие разочарования. Плюс две революции, Гражданская война, большевистская разруха и «красный террор».

Но всё это будет потом. А сейчас эти двое по-прежнему счастливы. Сбкрнижки, оставленные им умершими матерями, позволяли вести безбедную и, можно сказать, безмятежную жизнь. Сытая довоенная Москва одаривает их счастьем взаимной любви, укрыв до поры до времени изнанку бытия в лице прислуги, кухарки, няни. Лишь Любовь, Стихи и Муза.

* * *

Всё это можно ощутить, взглянув в старинное цветаевское Зеркало. Он до сих пор там, этот завораживающий лицедей, приглашающий любопытных взглянуть в мутноватую поволоку своего стекла. Внимательно взгляните в него, и вас непременно закружит... Зазеркалье.

Что это? Да-да, чей-то смех... А вот и рифмы; и остроумный каламбур – конечно, Маринин. Она счастлива и потому так успешна в творчестве: из-под пера поэтессы выпархивают стихи один лучше другого. Всмотритесь, вот в зеркальном блике знакомый образ с тёмными, густыми волоса-

ми; вот юноша с выпирающими скулами и глазами «в поллица»; смешливое лицо Аси... Чрезмерно серьёзный взгляд Тихона Чурилина, после которого Осип Манделъштам выглядит просто мальчишкой-гимназистом. И дива с глубокими, не улыбочивыми глазами: Софья Парнок. Слепок страсти и порока в одном лице... Старый приятель отца... Соседка... Знакомый доктор... Все промелькнули в цветаевском Зеркале – по крайней мере те, кто обожал Хозяйку и был обожаем ею.

Но где опять Марина? Она почти не покидает свой «капитанский мостик», расположившийся в череде квартирных переходов аккуратно над и напротив входной лестницы. Сквозь огромный «иллюминатор» Марина первой видит каждого входящего. После краткого приветствия и вздохов, разговоров, чая и кофе наступает... «час капитана»: в зале звучат бессмертные цветаевские строки, пока ещё звенящие непередаваемым личным счастьем:

*Да, я, пожалуй, странный человек,
Другим – на диво!
Быть, несмотря на наш двадцатый век,
Такой счастливой!..*

Однажды в семейном зеркале появится ещё одно лицо, вернее – личико. Это родившаяся в сентябре 1912-го дочь *Ариадна*.

Осенью 1913 года Цветаева и Эфрон отправляются в Коктебель, к Волошину. Планов – громадьё! Главное, насели они на Макса, тот должен помочь сдать Сергею экзамены в мужскую гимназию в Феодосии (именно её когда-то давным-давно закончил хозяин дома, у которого там остались старые связи).

Но всё не заладилось с самого начала. В августе умирает Иван Владимирович Цветаев, бывший для молодых людей надёжной опорой и хорошим советчиком в житейских премудростях. Вскоре после этого Сергей оказывается на операционном столе: острый аппендицит. И без того слабый здоровьем, он тяжело переносит операцию; однако благодаря ухаживаниям Марины быстро идёт на поправку.

Тем не менее – обошлось: и с благополучным выздоровлением, и с аттестатом, который был-таки получен. Правда, с одними тройками; но для него случившееся оказалось поистине героическим актом: аттестат открывал дорогу для поступления в университет. И через год эта дорога будет проторена: Сергей Эфрон станет студентом историко-филологического факультета Московского университета.

Весной 1915 года в цветаевском зеркале новый образ – некоего военного в щегольской фуражке. Зазеркалье подсказывает: этот доброволец 187-го санитарного поезда не кто иной, как Сергей Эфрон. Всё с тем же грустно-исхудавшим лицом и «глазами в пол-лица». Он рвётся на фронт, но всё

никак не получается; после чего, разочарованный, как-то сникает и тихо возвращается в университетские стены. Одновременно устраивается на работу – актёром Камерного театра.

А что же Марина? Она пишет, и неплохо. Но как это часто бывает с творческими натурами, её внезапно закружило в вихрях кратковременных романов: Парнок, Мандельштам, Чурилин... Ну да, почти все те, кто многократно успел промелькнуть в Зеркале. «Цветаетеды» утверждают, что для этой женщины важней всего была душа, а не плоть. И всё же в мирских делах любовного порядка душа и плоть обычно шествуют в обнимку. Постепенно, почти незаметно, в крепком доселе семейном фундаменте появляются первые трещинки разлада.

В 1917 году, окончив второй курс университета, Сергей оказывается в 1-й Петергофской школе прапорщиков. 17-го февраля Эфрон будет зачислен юнкером во 2-ю роту, а через десять дней... Через десять дней начнётся Февральская революция.

Из-под пера Цветаевой тут же появляются бессмертные строки:

*Из строгого, стройного храма
Ты вышла на визг площадей...
– Свобода! – Прекрасная Дама
Маркизов и русских князей.*

*Свершается страшная спевка, —
Обедня ещё впереди!
– Свобода! – Гуляющая девка
На шалой солдатской груди!*

Согласитесь, никто из поэтов так точно не изобразил революционную Свободу, как это сделала Марина Цветаева. Да уж, иметь дело с «гулящей девкой» – самое, пожалуй, последнее дело. Правда, не для сутенёров, коих к тому времени накопилось вполне достаточно. К осени 1917 года из последних остались самые хваткие – те, кто устроил Октябрьский переворот. Большевики, словом.

В связи с военным временем курс обучения Сергей Эфрон проходит в считанные месяцы и вскоре оказывается не на фронте, а... в Москве, в качестве младшего офицера 10-й роты 56-го запасного пехотного полка. Судьба будто берегла этого взрослого мальчика от фронта, чтобы в будущем бросить в жаркое горнило Гражданской войны. А сейчас он дежурит в Кремле и занимается муштрой новобранцев.

«...Пехота не по моим силам... От одного обучения солдат устаю – устаю до тошноты и головокружения»³, - пишет он Волошину.

Всё это, как покажет время, будут лишь «цветочки». Война и революция всегда не ко времени. В апреле 1917-го в се-

³ Л. Поликовская «Тайна гибели Марины Цветаевой». М., «Яуза: Эксмо», 2010 г., с. 56. (Далее – сокращённо: Л. Поликовская «Тайна гибели Марины Цветаевой».)

мье Цветаевой и Эфрона появится вторая дочь. Ребёнка назовут *Ириной*.

Впереди был Октябрьский переворот...

* * *

Как и следовало ожидать, в дни московских боёв унтер-офицер Эфрон явился в Александровское училище, где находился оперативный антибольшевистский штаб. А потом была оборона этого училища, кровавая...

Повезло и тут. Два унтера (Эфрон и его товарищ Гольцев), достав по случаю у каптенармуса полушубки, надели солдатские сапоги, на головы – вшивые папахи, – и под видом солдат ужом выскользнули из смертельного оцепления. Появление Сергея в Борисоглебском переулке было воспринято как чудо. Следует отдать должное Марине, которая тут же увезла мужа в спасительный Коктебель.

Они прожили тихо и уединённо три коротких недели (дети остались в Москве, с сестрой Эфрона, Верой). Потом Марина вернётся к дочкам, а Сергей пополнит ряды Добровольческой армии, формируемой в Новочеркасске.

Они ещё встретятся, но всего лишь на несколько дней. Зимой 1917-го Эфрона отправят в Москву с тайной миссией, суть которой сводилась к тому, чтобы с его помощью сформировать московский белогвардейский полк. Задача оказа-

лась не из простых, хотя была и другая – *добыть* (опять же для полка) где-либо деньги. И Эфрон с задачей (речь о деньгах) блестяще справится!

А вот в делах семейных всё было не так гладко. Во-первых, чёртовы большевики, национализировавшие все частные банки, лишили его семью средств к существованию. И как теперь Марине придётся жить с двумя крошками, он даже не представлял. А во-вторых, жена вновь закрутила роман. На этот раз – с актёром Юрием Завадским.

Узнав об очередной измене, Эфрон кипит от ярости. *«Я тебе не пишу о московской жизни Марины», – жалуется он Волошину. – Не хочу об этом писать. Скажу только, что в день моего отъезда (ты знаешь, на что я ехал) после моего кратковременного пребывания в Москве, когда я на всё смотрел „последними глазами“, Марина делила время между мной и другим, к которoго сейчас называет со смехом дураком и негодяем»⁴.*

Но роман с другим, кажется, лишь добавляет масла в огонь творческого экстаза поэтессы. Эфрон ещё в Москве, но уже родилось самое первое стихотворение из её будущего великолепного сборника *«Лебединый стан»*; стихи посвящены солдатам и офицерам Белой гвардии:

*...На кортике своём: Марина —
Ты начертал, встав за Отчизну.*

⁴ Там же, с. 68.

*Была я первой и единой
В твоей великопепной жизни.*

*Я помню ночь и лик пресветлый
В аду солдатского вагона.
Я волосы гоню по ветру,
Я в ларчике храню погонь.*

Сборник станет, по сути, гимном всему Белому движению. В нём восхвалялась битва Добра (белые) со Злом (большевики); белогвардейские же штыки назывались не иначе, как «чёрные гвозди в рёбра Антихристу».

В зеркале в Борисоглебском переулке в те дни решительное лицо женщины, чей муж, белогвардейский офицер, отстаивает Отчизну от большевистской заразы. В эти дни Марина собрана как никогда и полна неподдельной гордости за себя и своего мужа – одного из «белых лебедей» из её «Лебединой стаи». Что ей голод! Что ей холод и прочие тяготы, если ему там, под пулями, намного страшней. И пусть её строки, шепчет Марина, помогут всем им выстоять под ударами красных. И пусть защитники знают и верят, что в своей великой борьбе они совсем не одиноки и что их матери, жёны и сёстры мысленно с ними в холодных окопах:

*...Есть в стане моём – офицерская прямоть,
Есть в рёбрах моих – офицерская честь.
На всякую муку иду не упрямясь.*

Терпенье солдатское есть!..

*И так моё сердце над Рэ-сэ-фэ-сэром
Скрежещет – корми-не корми! —
Как будто сама я была офицером
В Октябрьские смертные дни.*

А Эфрону и впрямь нелегко. В феврале 1918-го он вместе с Добровольческой армией совершает знаменитый «Ледяной поход» из Ростова в Екатеринодар.

Из письма к Волошину: «...*Не осталось и одной десятой тех, с кем я вышел из Ростова... Нахожусь в растерзанном состоянии...*»

Тем не менее лето Сергей проведёт в Коктебеле, снова у того же Волошина. Но это окажется небольшой передышкой перед новыми испытаниями. В декабре 1918-го Эфрон уже офицер легендарного Марковского полка.

«*Обучаю красноармейцев (пленных, конечно) пулемётному делу, – пишет Сергей Волошину. – Эта работа – отдых по сравнению с тем, что было до неё. После последнего нашего свидания я сразу попал в полосу очень тяжёлых боёв... Часто кавалерия противника бывала у нас в тылу, и нам приходилось очень туго. Но, несмотря на громадные потери и трудности, свою задачу мы выполнили... Всё дело было в том, у кого – у нас или у противника – окажется больше „святого упорства“.* „Святого упорства“ оказалось больше

у нас»⁵.

Чуть позже Эфрон припишет карандашом: *«За это время многое изменилось. Мы переправились на правый берег Днепра. Идут упорные кровопролитные бои. Очевидно, поляки заключили перемирие, ибо на нашем фронте появляются всё новые и новые части. И всё больше коммунисты, курсанты и красные добровольцы. Опять много убитых офицеров...*

Макс, милый, если ты хочешь как-нибудь облегчить мою жизнь, – постарайся узнать что-либо о Марине»⁶.

Для ставшего «марковцем»⁷ Эфрона жизненные пути-дорожки сузились до двух узеньких тропок: либо победить, либо умереть. Желательно – с честью...

⁵ Там же, с. 78.

⁶ Там же, с. 78–79.

⁷ «Марковцы» – военнослужащие войсковых частей Добровольческой армии, подшефные одного из основоположников Белого движения на Юге России Генерального штаба генерал-лейтенанта Сергея Маркова. Первая Марковская часть (1-й Офицерский генерала Маркова полк) была образована в ноябре 1917 года в Новочеркасске. Марковцы – участники Первого Кубанского («Ледяного») похода. В июне 1918 года, в начале Второго Кубанского похода, генерал Марков был смертельно ранен осколками гранаты. В декабре 1919 года реорганизованная Марковская дивизия почти полностью погибла при отступлении от Харькова перед превосходящими силами красных. Чёрные погоны марковских частей полностью повторяли погоны ударных частей Российской императорской армии 1917 года и символизировали Смерть и готовность умереть за Россию; а белая тулья фуражки означала Чистоту и Воскресение Родины.

А в цветаевском Зеркале теперь совсем другое Маринино лицо – лицо утомлённого жизнью человека; лицо матери, лишившейся ребёнка. Сергей Эфрон не зря, будто предчувствуя беду, интересовался у Волошина, живы ли дети. В ту новую зиму 1920 года выжили лишь сама Марина и Ариадна. А вот малютка Ирина умрёт от голода, в приюте. Бедная кроха, она даже не успеет осознать собственное бытие в этом оказавшемся слишком жестоким для неё мире.

«Молочница Дуня приходила к нам – с бидоном в руке и с мешком за спиной – с незапамятных времён и вплоть до тяжкой зимы 1919–1920 года, в которую просто исчезла, – вспоминала Ариадна. – Мы так никогда и не узнали, что с ней, жива ли она? В эту же зиму умерла моя младшая сестра Ирина – та, что пила молоко, – крутолобая, в буйных светлых локонах, сероглазая девочка, всё распевавшая „Маена, Маена моя!“ (Марина моя!), – и как-то даже естественным показалось, что пересохла и молочная струйка, питавшая её»⁸.

Некоторые обвиняют Цветаеву в том, что она была плохой матерью и якобы младшую дочь даже не любила. Будем снисходительны: в годину суровых испытаний Гражданской

⁸ А. Эфрон «Неизвестная Цветаева». С. 79.

войны не каждый мог продержаться с двумя малолетними детьми. Тем более – Поэт, чьи мысли и душа всегда больше *там*, нежели *здесь*. Будь эта женщина мешочницей, торговкой, да и *просто бабой*, ей бы наверняка удалось спасти младшенькую. Когда ребёнку требовалась кружка молока, мать *умирала* от желания записать очередную рифму. Она задохнулась бы без стихов, без тетради, без творческой тишины. Другое дело, что слишком высокой оказалась цена, выставленная Поэтом за своё творчество.

Да и без детей (обе дочери были временно отправлены в приют) Марине приходилось очень тяжело. В зимнюю стужу в ненасытную печку-буржуйку шло всё – шкафы из красного дерева, старинные стулья, кушетки, столы. Хозяйка сама их пилила, рубила и жгла. Печь пожирала даже книги, хотя – изредка: книги в этом доме считались высшей ценностью. Чтобы меньше топить (самый лучший подарок для неё в те дни – связка каких-нибудь дров, будь то дощечки или поленья: всё шло на ура), пришлось перебраться в одну маленькую кухню.

«Всё в доме, кроме души, замёрзло, и ничего в доме, кроме книг, не уцелело», – напишет она.

В свечных отсветах зеркальное отражение выдаёт худое и бледное женское лицо. Именно таким с некоторых пор станет облик когда-то блистательной Марины. *Вдовы*, как однажды она назовёт себя.

Такой, измученной и уставшей, весной 1922 года Цветае-

ва покинет этот дом. Начнётся новый, *эмигрантский*, период жизни русской поэтессы Марины Цветаевой. Пока ещё не великой; великой назовут её позже. Пока лишь – известной. Но иногда бывает достаточно и этого, чтобы жизнь оказалась согрета Фортуной. По крайней мере, она в это верила как никто...

* * *

Её биография вместила в себя всё – взлёты и падения, скитания, сильную нужду, потерю близких, любовь и предательство, надежду и отчаяние. Не ошибусь, если скажу, что горечи эмиграции, доставшейся Марине Цветаевой, хватило бы на сотню скитальцев. И эту, поистине, чашу цикуты она выпьет до дна, до самой капельки. Пока будет писать рука, а сердце – биться.

Итак, *эмиграция*.

Действующие лица: *Марина Цветаева, её близкие, а также друзья и враги*.

Декорация: *тысячи лиц* по разные стороны «баррикад», в той или иной мере причастных к трагической судьбе нашей героини.

Занавес...

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо

они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Мф 5:4-10

Глава II

*Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень
Сплю. Вздрагивающих асфальтов вдоль
Копыта – как рукоплексканья...*

Марина Цветаева

Человека сделала человеком не только палка, которой он, будучи ещё и не человеком вовсе, сбил с дерева своё первое яблоко. Человека сделала тем, кем он позже стал, *миграция*: чем дальше этот лохматый двуногий отходил от своей пещеры, тем больше познавал мир, других лохматых двуногих, учась у них новым способам выживания и очередным уловкам при охоте на мамонтов. От знойной Африки человек дошагал до Европы и Сибири, заселил Америку, построив иглу на Аляске, храмы в Мексике и Перу, горные жилища у берегов Огненной Земли.

Иудеи и финикийцы, римляне и греки – кто из них не был эмигрантом, сумевшим найти надёжное пристанище в дальних чужеземных краях? По крайней мере последние две тысячи лет человечество переживало истинный бум – *бумэмиграции*. Эмигрантом был конунг Рюрик, бежавший вместе с верными людьми в древний Новгород. Колумб, Магеллан и Васко да Гама – разве нельзя их назвать первыми эмигранта-

ми, за которыми в Новый Свет позже потянутся миллионы?

Тем не менее до прошлого века из России как-то не принято было бежать: земли было столько, что бери – не распахнешь. Поэтому, если и бежали, то не дальше Сибири.

Век двадцатый рванул матушку-Россию так, что от социального взрыва всё заколыхалось. То были *эмигрантские волны*. Принято считать, что русские *эмигранты* «первой волны» – те, кто вынужден был покинуть страну после революции и в годы Гражданской войны. «Вторая волна» вобрала в себя тех, кто бежал из СССР или отказался вернуться домой из-за границы, оказавшись там в годы Второй мировой войны. Но были и другие эмигранты, которые покинули историческую родину до 1917 года. Я бы назвал их *эмигрантами* «штиля». И вот всё это штильно-волновое перемещение многотысячных масс русского народа за пределы исторической родины породило так называемую *русскую эмиграцию*.

Не нужно думать, что эмигранты «первой волны» оказались этакими Колумбами в непроходимых дебрях неизвестных цивилизаций. Русские есть везде. Были они везде и тогда. Что говорить, ведь именно русские первыми добрались до Антарктики; а наш Миклухо-Маклай побывал там, где действительно не ступала нога современного человека. И всё это случилось в те годы, когда каждый европеец вполне уверовал, будто с «белыми пятнами» на планете покончено давно и на все времена.

Так вот, между эмигрантами «штиля» и эмигрантами «первой волны» имелась одна существенная разница, причём *принципиальная*. Первые *хотели уехать* и уезжали. А вот большинство из тех, кто покинул родное Отечество после 1917 года, и *не думало этого делать*. Даже оказавшись за рубежом, они день и ночь мечтали об одном – возвратиться обратно в Россию. Не мечтали – они *верили в это!* Верили, что не сегодня-завтра всё вернётся на круги своя и они, наконец-то, вернутся.

Не вернулись. По крайней мере, большая часть. И самое обидное, что все эти люди не то чтобы исчезли – они *растворились*. Растворились в той среде, в которой очутились.

«Целый народ эмигрировал – и исчез без следа, – вспоминал русский эмигрант барон Эдуард фон Фальц-Фейн, осевший позже в крохотном Лихтенштейне. – Но в Европе трудно жить обособленно, вот и размылись понемножку. Никто не собирался устраиваться надолго, все мечтали: скоро большевиков прогонят, поедем домой. То, что эмигранты годами не распаковывали чемоданы, – это чистая правда. Моя мама в Ницце тоже не стала открывать саквояж с лучшими платьями: „Зачем потом возиться, запикивать их заново?“ Каждый день ложились спать с мыслью: ну всё, завтра-то уж точно Ленина свергнут, соберёмся – и на поезд до Петрограда...

Удивительно, но за неделю до мятежа в Петрограде никто из дворян не пронюхал, что такое произойдёт. Разго-

воров на эту тему не было вообще. Мой дедушка по матери, генерал Николай Епанчин, был директором Пажеского корпуса, входил в свиту императора. Он пригласил нас в столицу погостить. Только приезжаем, через день – беспорядки, митинги, стрельба! Дедушка счёл, что на квартире будет опасно, переселил нас в отель „Медведь“. Ночью ворвались вооружённые люди – они обыскивали гостиницы, искали „врагов революции“. Мама отказалась открывать – те сломали дверь. Угрожая штыками, солдаты закричали: „Почему темно? Зажгите свет!“ Мать крикнула в ответ: „У моих детей корь! Не входите, а то заразитесь!“ Они тут же ушли»⁹.

Барону повезло, детей спасла мать...

* * *

Считавшегося убитым Сергея разыскал в Константинополе Илья Эренбург. По просьбе Марины. Перед отъездом журналиста за границу она буквально втолкнула ему в руки несколько писем, адресованных мужу. На всякий случай, если вдруг жив.

Как оказалось, Эфрон вместе с Русской армией барона Врангеля эмигрировал в Турцию, где почти год просидел в Галлиполи.

⁹ Цит. по: «Аргументы и факты», 2008 г., № 45.

К слову, по данным советской разведки, осенью 1920 года за кордон из Крыма было эвакуировано 86 000 военных и около 60 000 гражданских лиц¹⁰.

*Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня.*

*А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.*

*Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою,
Конь всё плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.*

*Мой деңицк стрелял не мимо,
Покраснела лишь вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда...*

Автор этих грустных строк – донской казак *Николай Туроверов*¹¹. Один из тысяч русских офицеров, волею судьбы

¹⁰ «Родина», 2008 г., № 3, с. 106.

¹¹ Туроверов, Николай Николаевич (1899–1972) – русский поэт, Донской ка-

оказавшихся на чужбине...

Переход в Константинополь оказался невыносимо тяжёлым. Теснота, вши, дизентерия и тиф, жизнь впроголодь... Вместе с солдатами и казаками теснились женщины, старики и дети. Камбузы (столовые) справлялись лишь с нуждами личного состава кораблей. Что уж говорить о гальюнах (корабельных туалетах), очередь в которые измученных дизентерией людей порой тянулась от кормы до носа. Где-то в углу стонал умирающий раненый; в тесном трюме в ворохе белья сторала в пламени родильной горячки роженица...

По воспоминаниям князя А. Щербатова, из-за отсутствия в «ватер-клозетах» туалетной бумаги некоторые, быстро сообразив, приспособились вместо неё применять для гигиенических нужд... использованные врангелевские пятисотрублёвые купюры, которые тут же торопливо подбирали старушки и отмывали, приговаривая: «Такие большие деньги, могут ещё пригодиться»¹².

зак, офицер Русской и Белой армий, участник Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн. Родился в станице Старочеркасской. В годы Гражданской войны сражался с большевиками, участник легендарного Ледяного похода. Был четырежды ранен. С войсками генерала Врангеля покинул Крым и эмигрировал сначала в русский военный лагерь на о. Лемнос, потом – в Сербию и, наконец, во Францию. Во время Второй мировой войны в составе 1-го кавалерийского полка французского Иностранного легиона воевал с гитлеровцами в Африке, а после войны долгое время возглавлял в Париже русский Казачий Союз. Умер в 1972 году, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

¹² Князь А. Щербатов, Л. Криворучкина-Щербатова «Право на прошлое». М.,

А если учесть, что каждый второй-третий мучился так называемой «морской болезнью», можно лишь представить, какие испытания пришлось вынести беженцам. Но даже эти тяготы были ничто по сравнению с теми лишениями, что ждали их впереди...

Русских в Константинополе никто не ждал. По крайней мере – турки. В результате капитуляции, подписанной 30 октября 1918-го на борту английского броненосца «Агамемнон», Турция лежала распластанной у ног победителя – Антанты. И хотя турецкая капитуляция носила вид этакого перемирия, в Дарданеллах всем заправляли англичане и французы. Султан, правда, пока сидел на месте, но был вынужден ограничиться ролью простого наблюдателя.

Как это всегда бывает со слабым, постепенно его начали раздирать на куски. А тут ещё подняли голову «младотурки» и республиканцы во главе с генералом Мустафой Кемалем (Ататюрком). В апреле 1920-го Турция всё-таки раскололась, возникло двоевластие. Теперь в Стамбуле на штыках Антанты восседал султан Абдул-Хамид II, в Анкаре же всю правили кемалисты.

И вот на этом фоне на берегах Босфора замаячили корабли союзников, переполненные русскими беженцами. В раздираемой внутренними противоречиями Турции было не до чужих беженцев – своих хватало. В общем, всем было не до

русских...

* * *

Однако самим беженцам казалось, что хуже того, что осталось позади, быть уже не может. Другое дело – союзники. С точки зрения французов и англичан, русские представляли серьёзную военную силу (впрочем, так оно и было), не считаться с которой было невозможно. Именно поэтому предложение барона Врангеля использовать части бывшей Русской армии для защиты Проливов от мятежников Кемала руководство Антанты тут же отвергло. Нет, врангелевцы были бы не лишни, прорывалось в разговорах между союзниками, но... Но что, если те вдруг войдут в Константинополь или перекроют Босфор, а потом отправят гонца-парламентария обратно в Крым: вот, мол, мы вам – Проливы, вы нам – амнистию, полную и навсегда?! От этих русских, отмахивались вчерашние союзнички, ждать можно всё что угодно, им терять нечего...

Как видим, даже союзники поглядывали на армию Врангеля, пусть и разбитую, с некоторой тревогой и озабоченностью. И если кто-то думает, что с прибытием к турецким берегам перегруженных кораблей тут же началась разгрузка измученных скученностью и долгим переходом людей (а ведь среди беженцев, как мы знаем, было много женщин и детей), то глубоко заблуждается. Корабли стояли на константино-

польском рейде не день, не два и даже не три. *Две недели!* Для многих именно эти две недели стоили жизни.

Десятки мертвецов и впавших в кому тяжелораненых ежедневно свозили на берег. Плохое питание, скученность и болезни делали своё чёрное дело. Ещё вчера казавшийся спасением турецкий берег обернулся новыми испытаниями. Чтобы представить, каково этим бедолагам жилось две недели на кораблях, достаточно вспомнить, как трудно им было при переезде.

Вот что в те дни писала берлинская эмигрантская газета «Руль»: *«На некоторых судах, рассчитанных на 600 чел., находилось до трёх тыс. пассажиров: каюты, трюмы, командирские мостики, спасательные лодки были битком набиты народом. Шесть дней многие должны были провести стоя, едва имея возможность присесть»*¹³.

Планировалось, что в Константинополь прибудет не более тридцати тысяч человек, однако на самом деле прибыло *в пять раз больше!* Среди беженцев *две трети* составляли военные (50 000 солдат с фронта, 40 000 – из тыловых частей; почти 6000 военных инвалидов и раненых, 3000 учащих военных корпусов). *Треть* от общего количества беженцев оказалась гражданскими лицами: из 50 000 этой категории 13 000 мужчин, 30 000 женщин и 7 000 детей¹⁴.

¹³ «Руль» (Берлин). 1920 г., 5 декабря.

¹⁴ М. Йованович «Переселение в „пороховой погреб“». // «Родина», 2008 г., № 3, с. 106.

Таким образом, константинопольский «Великий Исход» вылился в огромную массу беженцев, которую нужно было не только накормить и обогреть, но и где-то разместить. И как бы кто ни относился к барону Врангелю, роль этого человека в спасении людей, за которых он тогда отвечал, трудно переоценить.

Союзники же повели себя очень осторожно. Скупой давая одной рукой, они щедро одаривали себя другой. Французы предоставили русским убежище далеко не безвозмездно. В уплату за содержание армии и беженцев им были отданы все корабли Русской эскадры (на сумму 53 млн франков!). Не будем забывать, что военные корабли эскадры, среди которых значились 2 линкора, 2 крейсера, 10 миноносцев, 4 подводные лодки, 12 прочих судов, когда-то были гордостью Черноморского флота. Кроме того, французской администрации в Турции было передано всё армейское снаряжение и обмундирование (100 млн франков!).

После всего этого французы, надо думать, должны были успокоиться. Однако за годы Гражданской войны союзники слишком хорошо изучили русских и их *боевой дух*, который во все времена выражался в упорстве и единстве. Вот по единству-то и был нанесён сокрушительный удар: врангелевцев решили *разъединить*.

По указанию французских властей через две недели русским разрешили-таки высадиться на берег. Многие граждан-

ские лица (у кого, конечно, были средства) постарались побыстрее сесть на пароходы, отправлявшиеся в Европу. А вот с военными ситуация сложилась иначе, их решено было разместить в трёх лагерях.

В районе Чаталджи, в полусотне километров к западу от Константинополя, должны были разместиться донские казаки. На Галлиполийском полуострове, расположенным между Эгейским морем и проливом Дарданеллы (около двухсот километров от столицы), – регулярные части бывшей Русской армии, из которых был создан 1-й армейский корпус под командованием генерала Кутепова. На греческом острове Лемнос в Эгейском море предполагалась расквартировать (сильно сказано – их просто забросили на пустынный остров!) кубанских и терских казаков.

Вот такая благодатная милость от союзников. Правда, те обязались снабжать эти лагеря продуктами и помочь в их обустройстве. Как говорится, и на том спасибо.

* * *

Самым массовым, конечно, был галлиполийский лагерь. Когда прапорщик Эфрон со своими боевыми товарищами оказался там впервые, унылая долина в шести километрах западнее местечка Галлиполи представляла собой поросшую редкими кустами пустошь, кишевшую ядовитыми змеями. В 1915-м здесь стояли лагерем англичане, участвовавшие в так

называемой Дарданелльской операции, закончившейся для британцев полным провалом¹⁵. Так вот, те прозвали это место «Долиной смерти»; русские же быстро окрестили Галлиполи «Голым полем».

К 1 января 1921 года, когда 1-й армейский корпус Кутепова высадился в Галлиполи, в нем насчитывалось 9540 офицеров, 15 617 солдат, 569 военных чиновников и 142 человек медперсонала – всего 25 868 человек. Кроме того, среди них было 244 ребенка и 90 воспитанников 10–12 лет¹⁶.

Офицеры, как и солдаты, проживали в палатках, разбитых прямо на пустыре. Летом была невыносимая жара, зимой – негде было согреться.

Из показаний С. Эфрона на допросе в 1939 году:

«Я там голодал и жил в палатке...Существовал на французском пайке, который получали все белые в галлиполийском лагере. Единственное, чем я занимался, это вёл группу по французскому языку из 3-х человек... Я голодал, так как пайк, который они мне давали, был голодным пайком.»

Следователь: Где вы находились спустя 4 месяца вашего пребывания в Галлиполи?

– Я был в Константинополе у своего товарища – Боген-

¹⁵ Там же в 1854 году формировалась экспедиционная французская армия, готовившаяся к походу на Варну и нападению на русский Крым и Севастополь.

¹⁶ А.Б. Широкоград «Упущенный шанс Врангеля. Крым-Бизерта-Галлиполи». М., «Вече», 2009 г., с. 278. (Далее – сокращённо: А. Широкоград «Упущенный шанс Врангеля».)

гардта, который заведовал русским лицеем средней школы. Я прожил у него в общезжитии до отправления меня в Прагу. Я там жил на изживении Богенгардта...»¹⁷

Как видим, условия проживания «галлиполийцев» были очень суровыми. Поэтому каждый выживал – как мог.

Вполне понятно, что только железная дисциплина могла сохранить в лагере высокий воинский порядок и тот самый воинский дух, который мечтали истребить в русских их союзники. И врангелевское командование оказалось тут явно на высоте – помог опыт Гражданской войны.

Русский лагерь был разбит по всем правилам военного искусства и в соответствии с Полевым уставом. Быстро, будто грибы после дождя, по ротным линейкам выросли палатки. Поставили шатёр походной церкви, спроектировали спортивный городок; соорудили гауптвахту, хороший лазарет, и даже нашлось место для библиотеки.

Вскоре в городке Галлиполи действовало шесть военных училищ, две офицерские школы, гимназия, офицерские курсы. В корпусе выпускались журналы, имелись театральные подмости, устраивались концерты, самой яркой звездой которых, несомненно, была известная русская певица Надежда Плевицкая. (Плевицкая являлась женой командира Корниловского полка генерала Скоблина. Запомним эту яркую

¹⁷ Маэль Фейнберг, Юрий Клюкин. «Дело Сергея Эфрона». // «Столица». № 38 (96), сентябрь 1992 г., с. 60.

пару.)

Во время исполнения певицы на глазах многих навёрты-
вались слёзы, ведь пела Надежда Васильевна чаще про утра-
ченную Россию:

*Замело тебя снегом, Россия,
Запуржило седую пургой.
И печальные ветры степные
Панихиду поют над тобой.
Ни пути, ни следа по равнинам,
По равнинам безбрежных снегов,
Не добраться к родимым святыням,
Не услышать родных голосов...*

Когда к Кутепову с инспекцией приехали французские ге-
нералы, они обомлели: глазам союзников предстал образцо-
вый военный лагерь. Но больше всего поразили союзничков
отсутствие среди русских какого бы то ни было уныния и
сильное желание продолжать начатую борьбу. (Барон откры-
то заявлял, что до 1 мая 1921 года его войска непременно
высадятся если не в Крыму, так в любом другом месте на
Черноморском побережье России.)

Французы дружно улыбались, стараясь не показывать, что
на душе их скребли кошки. Каждый промаршировавший
перед их взором русский батальон в белых (скобелевских)
мундирах вызывал в душе раздражение. Поэтому, когда в
очередной раз встал вопрос о привлечении частей Русской

армии против кемалистов, союзники категорично ответили Врангелю отказом – справимся, мол, сами, без вас. (Как показало время, не справились.)

Надо сказать, генералу Кутепову нелегко давалось то образцовое состояние подчинённых ему войск, которое так покорило союзников. Только личное мужество и понимание высокой роли жёсткой дисциплины помогали этому человеку не терять силу духа. Но многие теряли...

С дезертирами и изменниками не церемонились. Когда несколько офицеров попытались убежать к туркам, в армию Кемалю, после их поимки каждого привлекли к военно-полевому суду. Всех расстреляли.

Достоянием западной прессы стала и казнь полковника Щеглова, который, будучи больным (свалила москитная лихорадка) и находясь в лазарете, пытался убедить молодых офицеров в том, что отныне истинной русской армией может считаться только Красная армия, оставшаяся там, на родине. Суд с этим никак не согласился, и героя Добровольческой армии (который, кстати, в одном из боёв был серьёзно ранен) также расстреляли...

В ноябре 1921 года (в годовщину взятия Крыма) ВЦИК РСФСР объявил амнистию участникам Белого движения, явившуюся своего рода дрожжами для измотанных душ фронтовиков. Несмотря на все старания офицеров, держать в жёсткой узде многотысячную вооружённую массу, не занятую, как они сами считали, «настоящим делом», было слож-

но. Поддерживать спокойствие в военном лагере приходилось с немалым трудом: неопределённость и бессмысленное прозябание на чужбине делали своё дело. То тут, то там вспыхивали ссоры.

Не лучше обстояли дела и в других лагерях – в Донском корпусе в окрестностях Константинополя (не более 20 000 человек, командир – генерал Фёдор Абрамов) и Кубанском корпусе на острове Лемнос (около 20 000 человек, командир – генерал Михаил Фостиков)¹⁸.

Всех тяжелее пришлось русским на острове Лемнос. Достаточно сказать, что казакам для обживания предоставили самый пустынный и безводный берег. Постоянный сильный ветер, невыносимая жара, отсутствие дождей и дефицит пресной воды – всё это способно было свести с ума. Общее число русских беженцев, оказавшихся на острове, составляло 25 тысяч казаков и 4 тысячи гражданских лиц.

К дефициту воды прибавился дефицит еды. Вывезенные из России драгоценности казаки выменивали у местных жителей на хлеб, сыр, виноград. Если бы не казачья смекалка, умерли бы с голоду. Как-то один из беженцев наловил в море диковинных «гадин» с щупальцами, потом поджарил на огне, посолил, попробовал: ничего, есть можно, едали и хуже. Пристрастил к странной еде товарищей. А вскоре выяс-

¹⁸ К концу апреля 1921 г. в Чаталджи осталось чуть более 2800 человек, остальные были переброшены в другие лагеря.

нилось, что осьминоги эти у местных что-то вроде деликатеса, поэтому почти весь улов стали выменивать на хлеб и сыр без всяких там «бабушкиных драгоценностей». Так вот и выжили.

Унизительнее всего был запрет покидать пределы лагеря. Окружённый двойным кольцом постов, лагерь надёжно охраняли иссиня-чёрные сенегальцы, которым помогали греческие жандармы. (Сенегальцев суеверные казаки боялись ничуть не меньше, чем чертёк из старых бабушкиных сказок.) Даже для посещения греческой церкви в городке Мудросе приходилось составлять списки и лишь после этого *командами* выходить из лагеря.

Такие же команды составлялись для сбора бурьяна, хвороста, колючки – всего того, что могло заменить дрова. Дело в том, что с дровами на чужбине, как в Турции, так и на Лемносе, было хоть плачь. Нет, союзники их, конечно, выдавали, но – так, номинально. Хотите знать, сколько это – «номинально»? По 600 г на человека в сутки. 600 г – это, извините, *полполена*. Вот такая арифметика...

Стоит ли говорить, что умирали казачки на чужбине сотнями! Особенно богатую жатву косили эпидемии – тиф, оспа, дизентерия. Первым в лагере умер восьмилетний сын одного из генералов, после которого только детей на местном кладбище русские оставили более восьмидесяти. Так уничтожился казацкий генофонд...

Тем не менее стойкости духа казакам было не занимать.

Приказ союзников о сдаче личного оружия вызвал в лагере волну недовольства. «Лучше умрём с оружием, чем сдохнем, как скоты!» – кричали кубанцы. Французы, конечно, для блезиру возмутились, но пошли казачкам на уступки, оставив каждому офицеру по пистолету, казаку – по шашке. А иначе – никак...

* * *

Рано или поздно всё заканчивается. Недаром же надпись на перстне библейского царя Соломона гласила: *«И это пройдёт...»* Прошло. Терпение союзников закончилось уже через полгода. Именно столько понадобилось войскам доблестной Антанты в лице французов и англичан иметь под боком боеспособную русскую армию, да ещё её и содержать.

К тому времени Франция израсходовала на содержание врангелевских частей около 200 миллионов франков. «Поизрасходовались» и англичане, но эти, правда, остались верными себе: не сказав никому ни слова, однажды просто прекратили платить.

«Лягушатники» с Врангелем особо не считались. В марте 1921 года французское командование в лице генералов Шарпи и Пелле в ультимативной форме предоставили барону сделать выбор из трёх вариантов. Первый предполагал возвращение на историческую родину – в Советскую Россию; второй – переброску частей Русской армии в страны Латин-

ской Америки, в частности – в Бразилию и Перу; и третий... Третий означал: мы, союзники, умываем руки, а вы, дорогой барон, барахтайтесь, как хотите, и живите отныне «на собственные средства».

Как, по-вашему, какой вариант выбрал Врангель? Будучи русским человеком (по крайней мере, по образу жизни и направлению мыслей), он, конечно же, выбрал третий. Не стоило кормить на фронте вшей, чтобы потом добровольно взойти на плаху, приготовленную большевиками...

У французов, к слову, были не только чисто корыстные интересы свернуть помощь проигравшему Врангелю. Дело в том, что с некоторых пор активно зашевелился Мустафа Кемаль, ещё в апреле 1920-го отправивший своих эмиссаров в большевистскую Россию. Для чего, спросите? Чтобы в борьбе с султаном обрести сильных союзников. Сильные друзья нужны для одного – выколачивать из них побольше денег. Вот и Кемаль просил Ленина помочь ему оружием и деньгами. Скинув султана, мы, мол, не потерпим на нашей территории ни одного белоэмигранта, талдычили Ильичу турецкие дипломаты. Но так просто султана не свалишь, необходимо золото.

И первое большевистское золото (200 кг) прибыло в Анкару уже осенью того же года. Всего же к 1923 году Кремль поставил кемалистам 40 000 винтовок, 327 пулемётов и 54

орудия¹⁹. Сорок тысяч винтовок – это, как мы понимаем, оружие, рассчитанное на несколько дивизий. Помощь что надо! Кемаль знал, куда бить и на что могут клюнуть большевики.

И они клюнули. Слишком уж велико было желание отбросить врангелевцев подальше от советских границ. Большевики пошли ещё дальше того, на что рассчитывали турецкие республиканцы: заключив в марте 1921 года договор с Анкарой, они отдали туркам Карс и Ардаган с прилегающими областями. Такая политика и, конечно, военная помощь со стороны РСФСР принесли свои плоды. Осенью 1923 года последний интервент покинул пределы Турции. С султаном было покончено, и теперь страна полностью оказалась во власти Ататюрка.

Теперь понятно, что французам и без русских в Дарданеллах было, мягко говоря, не совсем уютно. Потому-то ещё весной 1921-го союзнички начали некрасивую операцию по «выдавливанию» обратно в Россию солдат Русской армии, пожелавших вернуться домой. Каждому, понятное дело, была гарантирована неприкосновенность со стороны большевиков.

¹⁹ А. Широкоград «Упущенный шанс Врангеля». С. 284.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.